

Ткаченко Марина Федоровна,

доктор экономических наук,
заведующая кафедрой мировой экономики,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Marina F. Tkachenko,

Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of World Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: marstav251280@gmail.com

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

THE CHINESE MODEL OF ECONOMIC GLOBALIZATION

Аннотация: статья посвящена исследованию роли Китая в формировании нового миропорядка, который предполагает смену или существенную трансформацию текущей модели глобализации, ориентированной на США и их сателлитов. В статье рассматриваются проблемные вопросы экономической повестки Китая, анализируются практические инструменты продвижения инициатив Китая в мировой экономике в контексте его противодействия мерам США ослабить китайскую экономику. Результатами анализа являются предложенные автором критерии для сравнения американской и китайской моделей экономической глобализации, которые позволяют сделать вывод о том, что развивающиеся страны предпочитают более тесное сближение с Китаем, нежели с США и его союзниками, в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: экономическое развитие Китая, санкции, «Пояс и путь», «Пекинский консенсус», «социализм с китайской спецификой».

Abstract: the article is devoted to the study of the role of China in the formation of a new world order, which involves a change or a significant transformation of the current model of globalization focused on the United States and its satellites. The article deals with the problematic issues of China's economic agenda, analyzes practical tools for promoting China's initiatives in the global economy in the context of its opposition to US measures to weaken the Chinese economy. The results of the analysis are the criteria proposed by the author for comparing the American and Chinese models of economic globalization, which allow us to conclude that developing countries prefer closer rapprochement with China than with the United States and its allies in the short term.

Key words: economic development of China, sanctions, "Belt and Road", "Beijing Consensus", "socialism with Chinese characteristics".

Введение

После объявления Дэн Сяопином политики открытости и реформ в 1978 году прошло более 40 лет. Китайские достижения в экономике за истекший период стали следствием успешного встраивания страны в глобальные производственные цепочки и развития экспортного потенциала до таких масштабов, кото-

рые позволили Китаю занять к текущему моменту место второй экономики мира после США. При этом Китаю удалось создать принципиально новую «смешанную» модель экономического развития, основанную на «социализме с китайской спецификой», подтверждая недавно высказанную Марко Рубио мысль о том, что «капитализм не изменил Китай. Это Китай изменил капитализм». Стремительный рост влияния Китая в мире и результативность проводимых им реформ способствовали появлению в экономической науке такого выражения, как «Пекинский консенсус», в основе которого лежит представление об основных способах и мерах достижения эффективности китайской экономической политики. Линейное развитие китайского общества в последние несколько десятилетий, основанное на сочетании общественной собственности и негосударственной «народной» экономики, заставляет развивающиеся страны пересматривать свое положительное отношение к модели развития, основанной на принципах «Вашингтонского консенсуса». С учетом мощного цивилизационного опыта Китая и превалирования идей умеренности, уважения суверенитета других стран, признания права народов выбирать собственный путь развития и социальный строй, противодействия гегемонизму «новая форма человеческой цивилизации», которую создает Китай, может стать привлекательной для других развивающихся стран и привести к созданию принципиально иной глобальной системы управления, основанной уже на принципах китайской модели экономической глобализации. В силу этого более тщательное изучение итогов интеграции Китая в мировую экономику и стратегических перспектив его развития с учетом последних решений Коммунистической партии Китая (КПК) представляется несомненно значимым.

Некоторые проблемные аспекты внешнеэкономической стратегии Китая

Рассматривая эволюцию экономической модели Китая, можно прийти к выводу о том, что богатство и благополучие китайской нации по большей части было обеспечено его поэтапной и глубокой интеграцией в мировую экономику и использованием им плодов глобализации и либерализации товарных, инвестиционных и трудовых межгосударственных потоков.

В 80-е годы XX века произошло открытие страны для иностранных производств и капитала, признаками которого стали учреждение четырех специальных экономических зон, начало членства Китая в МВФ, разрешение на создание совместных предприятий с участием иностранного капитала. Инвестиционная и экспортная составляющая надолго закрепились в китайской экономике как основные драйверы экономического роста. При этом долгосрочной целью Китая стало стимулирование роста рынка сбыта своей продукции, чья конкурентоспособность обеспечивалась наличием дешевой рабочей силы, пополнявшейся за счет миграции сельского населения в города. Сильнейшим стимулом интернационализации китайской экономики стало вступление в ВТО, которое привело к ускоренной интеграции Китая в глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС).

Следует отметить, что Китаю удалось увеличить долю внутренней добавленной стоимости в экспорте, сократив долю зарубежной добавленной стоимости в экспорте, что привело к формированию собственных глобальных цепочек добавленной стоимости [2, с. 25]. По данным ВТО, в 2018 году доля внутренней добавленной стоимости в валовом экспорте составляла 82,7%, причем 41% приходился на промышленное производство, а на сферу услуг — 34,2%. В отраслевом разрезе внутренняя добавленная стоимость в экспорте Китая формировалась в основном в производстве компьютерного оборудования и электроники, текстиля и одежды, а также электрического оборудования [12]. В основном обмен промежуточной продукцией в рамках «нисходящего типа» цепочек добавленной стоимости осуществлялся с Южной Кореей, США и Японией, а в рамках «восходящего типа» — с Южной Кореей, Вьетнамом и Мексикой. В итоге Китай стал крупнейшим экспортером промежуточных товаров финального спроса в ГЦСС, особенно в области электроники и автомобилестроения.

Наряду с положительными составляющими интеграции Китая в мировую экономику постепенно усиливалась взаимозависимость китайской экономики и экономик целого ряда стран развитого мира, прежде всего США. Впоследствии это вовлекло Китай (и по большей части всю мировую экономику в целом) в ловушку, подводя мир к решению дилеммы о преодолении последствий «китайского рычага».

В 2008 году произошло существенное замедление темпов роста китайского экспорта, что заставило власти Китая принять «антикризисный план, который предполагал масштабные инвестиции в инфраструктуру, а также в социальную сферу для обеспечения занятости населения в средне- и долгосрочной перспективе и повышения внутреннего спроса» [3, с. 48]. На этом фоне проявилось назревавшее противоречие, связанное с сокращением «китайского рычага», когда рост доходов в Китае снижает его экспортные способности и одновременно приводит к росту издержек в других странах, что способствует углублению у них экономического спада и еще больше ограничивает китайский экспорт [4, с. 94]. Таким образом, зависимость «самочувствия» мировой экономики от «здоровья» китайской экономики стала всепоглощающей, что подтверждает мысль Ф. Штокера о том, что «если Китай начинает кашлять, остальной мир получит воспаление лёгких».

Наглядным проявлением проблемы, связанной с действием «китайского рычага», стал пример, описанный В. Галиным в его книге «Последняя цивилизация. Политэкономика XXI века», где он предлагает сравнить отношение дефицита торгового баланса США в торговле с Китаем с величиной среднедушевых доходов этих стран. Получается, что «в 2006 г. американский работник стоил дороже китайского в 21 раз, а торговый дефицит составлял 235,4 млрд долл. США. Замена китайцев американцами в этом случае привела бы к росту издержек в экономике США на 4,7 трлн долл. США (35% ВВП США). В 2011 г., несмотря на рекордный дефицит США в торговле с Китаем, вышеуказанный эффект замены китайского работника на американского снизился до 3,2 трлн долл. США (21% ВВП), т. е. всего за 5 лет «китайский рычаг» сократился более чем на треть» [4, с. 93].

Таким образом, уже к 2012 году темпы роста китайской экономики на фоне ослабления экспорта и сокращения притока иностранных инвестиций существенно замедлились, а последующая политическая и экономическая повестка в связи с этим уже строилась на обосновании «новой нормальности», предполагающей, что прежние темпы роста недостижимы и следует переходить на новый этап экономического развития, связанный с развитием инновационной экономики и решением социальных

проблем и проблем окружающей среды на фоне острой ресурсной ограниченности.

Кроме того, нацеленность Китая на США в экономическом плане сделала его более уязвимым и зависимым от смены внешнеполитического курса США, что не могло не волновать китайские власти. В конечном счете это привело к смещению внешнеэкономических и внешнеполитических приоритетов, что особенно проявилось с приходом к власти Си Цзиньпина.

Изменения в китайской модели экономической глобализации и внешнеполитическом курсе Китая при Си Цзиньпине

Си Цзиньпин, по мнению авторов монографии «Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз», определил новые цели в международном сотрудничестве Китая с зарубежными партнерами. Во-первых, Си Цзиньпин обозначил курс на укрепление связей с соседними государствами, что означало диверсификацию сотрудничества и взаимодействие «без оглядки» на США. Во-вторых, лидер китайской нации призвал США выстраивать равноправные отношения, основанные на взаимной выгоде двух «больших государств». В-третьих, Си Цзиньпин заявил о необходимости выработки «дипломатии большого государства с собственной спецификой». На деле это означало необходимость проведения независимого внешнеполитического курса при наличии так называемых сердцевинных интересов, которыми страна не может жертвовать ни при каких обстоятельствах [8, с. 7—8].

В целом была поставлена задача добиться построения системы глобального экономического управления, основанной на отказе от протекционизма и предполагающей открытый и инклюзивный диалог всех стран. Сама же китайская экономика должна оставаться максимально открытой, несмотря на увеличение внутренних проблем и введение санкций в отношении Китая, а также развязанных торговых войн, хотя звучали и другие мнения [8, с. 18].

Нацеленность Китая на реализацию принципа действовать «без оглядки на США» и стремление к глобальному лидерству спровоцировали рост напряженности в торгово-экономическом взаимодействии двух держав. Торговая война, истоки которой находятся

еще в периоде президентства Барака Обамы, привела к взаимным ограничениям и беспрецедентным санкциям со стороны США на современном этапе американо-китайских отношений.

Именно Барак Обама ввел антидемпинговые пошлины против китайской стали в размере 265,7%, затем его дело продолжил Дональд Трамп, чей период правления ознаменовался целой чередой громких антикитайских акций и спровоцировал Китай на ответные действия. Так, Трамп распорядился поднять тарифы на импортируемые товары из Китая с 10 до 25% стоимостью свыше 60 млрд долл. США [10]. В список вошли около 1300 наименований товаров. Формальным поводом стали обвинения Китая в промышленном шпионаже и краже интеллектуальной собственности китайскими компаниями. Справедливости ради следует отметить, что повышение пошлин коснулось и страны ЕС, но далеко не в таких стоимостных объемах и количестве товарных позиций.

Ответом Китая стало установление ограничений на 106 товарных позиций с установкой пошлины в 25%. При этом стоимостный объем затронутого китайскими санкциями экспорта составил 50 млрд долл. США [10].

Однако основным удар со стороны США пришелся по микроэлектронной промышленности Китая, что в большей степени призвано затормозить экономическое развитие Китая, нежели санкции на ввоз китайской продукции на территорию США. Под воздействием США голландская компания ASML (самый крупный производитель литографического оборудования на мировом рынке), от поставок которой зависят все производители чипов в мире, отказала китайской SMIC в продаже нового оборудования и обслуживании старого оборудования. Одновременно были запрещены поставки чипов из США китайским компаниям из черного списка. Следствием этого стало отсутствие возможности со стороны Китая обновлять устаревшие чипы в выпускаемой им микроэлектронике, что неизбежно привело к падению продаж микроэлектроники, существенно повысив конкурентные преимущества США, Японии и Южной Кореи. Китай, по сути, лишился одной из своих самых надежных статей экспорта [1].

В 2018 году США предприняли еще один недружественный, беспрецедентный по своему характеру шаг. Они факти-

чески объявили войну китайской транснациональной корпорации Huawei, впоследствии заявив о том, что она несет угрозу национальной безопасности США. В 2020 году Вашингтон потребовал от Тайваня прекратить поставки микрочипов Huawei, а «в апреле 2021 года Вашингтон через Тайбэй заставил тайваньскую TSMC остановить сотрудничество с китайской Tianjin Phytium Information Technology (Phytium)» [5].

Huawei лишилась доступа к передовым технологиям, а также доступа на европейский и американский рынок. Помимо этого санкции ударили по другим высокотехнологичным китайским компаниям, таким как ZTE, Xiaomi и DJI. Кроме того, США посредством давления на американские компании стали лишать китайские компании лицензий. Таким образом, тщательно выстраиваемая долгие годы схема развития инновационной экономики Китая посредством привлечения инновационных технологий преимущественно из США оказалась под угрозой.

Такие обстоятельства заставили Китай в 2020 году заявить о запуске пятилетней программы развития электронной промышленности в объеме 1 трлн долл. США. К настоящему моменту она уже имеет некоторые реальные результаты, но в целом импортная зависимость и от литографического оборудования, и от самих микрочипов остается достаточно высокой и существенно превышает стоимостные и физические объемы экспорта названной продукции [5].

Вместе с тем Китай, заявляя об «отстаивании принципа одного Китая», грезит не только культурным и политическим единством, опираясь на историю, но и стремится к созданию единого экономического пространства с Тайванем, чья «государствообразующая» компания TSMC способна обеспечить бесперебойные поставки микрочипов континентальному Китаю. При крепком союзе Тайваня и США вероятность сокращения поставок продукции, основанной на передовых технологиях, в Китай становится всё более ощутимой.

Технологическая война, развязанная США против Китая, стала ответом США на вызовы со стороны Китая и попыткой помешать Поднебесной распространить свои новые технологические решения на весь мир. Имея пока технологическое господство, США ощущают, как крупные китайские компании начинают пре-

восходить их по отдельным видам технологий, например в области развития искусственного интеллекта, больших данных и наличия больших вычислительных мощностей. В настоящий момент имеет место техническая расстыковка Китая и США как элемент общей расстыковки Китая и США, чтобы снизить взаимозависимость стран друг от друга. Причем в этом могут быть заинтересованы обе страны, поскольку и Китай, и США имеют в своих руках инструменты, которые способны привести к возникновению более серьезных конфликтов между странами, в чем не может быть заинтересована ни одна из сторон. Для Китая расстыковка является «стратегическим сдвигом, в рамках которого Китай смещает фокус своего внимания с экономического роста на экономический контроль» [14]. С помощью целого ряда инструментов Китай пытается добиться решения трех важнейших задач, а именно: «устранение его зависимости от зарубежных стран и корпораций в отношении важнейших технологий и продуктов, содействие доминированию местных фирм на внутреннем рынке и использование этого доминирования для повышения глобальной конкурентоспособности» [14]. США, в свою очередь, «формулируют свою политику в отношении Китая как “стратегическую конкуренцию” и стремятся ограничить свою зависимость от Китая, чтобы защитить свою промышленную базу, уменьшить свою зависимость от импорта в критически важных секторах и смягчить потенциал использования Пекином взаимозависимости в качестве оружия» [13]. Таким образом, потенциал «разрыва» тесных экономических связей Китая и США достаточно высок, что заставляет Пекин по-новому взглянуть на отношения с ближайшими соседями, в том числе с Россией.

Внешнеэкономические интересы Китая в отношении России в основном связаны с реализацией трех приоритетов: 1) развитие структуры экспорта РФ как необходимого условия долгосрочного экспорта взаимной торговли; 2) развитие каналов поставок продукции через территорию РФ за счет модернизации транспортной инфраструктуры; 3) обеспечение китайской экономики топливно-энергетическими ресурсами при выгодном уровне цен и необходимом количестве ресурсов [6, с. 72]. Это в целом вписывается в концепцию инициативы «Пояс и путь», которая, по сути, стала инструментом практической реализации заявлен-

ных стратегических целей Китая на международной арене. «Пояс и путь» стал стратегической инициативой Си Цзиньпина и подтвердил намерение Китая «идти вовне», невзирая на внешнеэкономическую и внешнеполитическую напряженность.

«Пояс и путь» имеет мощные идеологическую и экономическую составляющие. С точки зрения идеологии этот китайский «мегапроект» реализуется с опорой на один из ключевых приоритетов, связанный с созданием «сообщества единой судьбы человечества» («все вещи развиваются вместе и не препятствуют друг другу, все принципы осуществляются вместе и не вступают в противоречие друг с другом»), и предлагает реальную альтернативу западному мироустройству для развивающихся стран. С экономической точки зрения данная инициатива сопряжена с текущей экспортной политикой Китая, которая стала ответом на вызовы спада экономического роста и сокращения доходов населения. Эффективная реализация программы «Сделано в Китае 2025» во многом зависит от успехов в модернизации экономики, которая невозможна без роста спроса на высокотехнологичную продукцию в рамках осуществления инициативы «Пояс и путь». Создавая предпосылки для китайской экспансии, «Пояс и путь» дает возможность китайскому правительству поддерживать на значимом уровне экспорт продукции, оборудования, а также рабочей силы и управленческих кадров. При этом, инвестируя в инфраструктурные проекты других стран, Китай обеспечивает транспортно-логистические преимущества для поставки своей продукции в обход дорогостоящих маршрутов доставки грузов.

Проект «Пояс и путь» стал настолько широкомасштабным и донорским по своему характеру, что породил убеждение у развивающихся стран в безусловном лидерстве Китая в мире и его стремлении к созданию принципиально новой внеблоковой парадигмы экономических отношений между равноправными и ответственными партнерами. Несмотря на ряд имеющихся противоречий в реализации этой стратегической инициативы, есть все шансы ее сохранения в ближайшем будущем, особенно с учетом обеспечения преимущества внешнеэкономического и внешнеполитического курса Китая с опорой на принцип «сначала вводить новое, а потом ломать старое».

Перспективы китайской модели экономической глобализации с учетом решений XX съезда КПК

В ходе последнего съезда КПК лидер страны Си Цзиньпин обозначил намерение продолжать ранее намеченный курс (в частности, в рамках XIX съезда КПК), реализуя концепцию устойчивого развития, основанную на сочетании «развития производства, обеспеченной жизни населения и здоровой экологии». Не отвергая возможности использовать некоторые концепты моделей экономического развития, которые сложились в других странах, Си Цзиньпин призывает ориентироваться на собственные цивилизационные достижения, что нашло закрепление в таких понятиях, как «дипломатия мировой державы с китайской спецификой», «социализм с китайской спецификой», «социалистическая правовая система с китайской спецификой», «социалистическая культура с китайской спецификой», «формирование вузов мирового класса с китайской спецификой», «создание могучей армии с китайской спецификой» [9]. Такие понятийные конструкции свидетельствуют о стремлении китайского лидера и КПК строить сильное государство с опорой на инновационную экономику на основе преемственности и опыта прошлых поколений, укрепляя статус Китая как мировой (а не региональной) державы, способной противостоять вызовам и угрозам национальной безопасности.

При этом сбалансированное развитие внутри Китая невозможно без обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, а также безопасности ключевых цепочек производства и поставок, что предопределяет необходимость «расширения открытости внешнему миру». Указанный процесс призван, с одной стороны, укрепить достигнутые результаты экономического развития и способствовать «индустриализации нового типа», а с другой стороны, стимулировать «наращивание потенциала в распространении китайской цивилизации и расширении ее влияния» [9]. Таким образом, «открытость внешнему миру» имеет как мощный экономический, так и политико-идеологический посыл, предполагая неразрывность успехов в развитии инновационной экономики с ростом влияния Китая в мире.

Китайский лидер говорит о неизбежности превращения Китая в мощную торговую (и одновременно морскую) державу посредством повышения качества и уровня торгового и инвестиционно-

го сотрудничества с зарубежными партнерами при опоре на внутренний рынок (как один из основных локомотивов модернизации экономики), способный привлекать глобальные ресурсы.

Вместе с тем расширение экспортного потенциала должно происходить одновременно с развитием логистических маршрутов, повышением уровня пилотных зон свободной торговли, расширением глобально-ориентированной сети зон свободной торговли высокого стандарта, что тоже прозвучало в речи Си Цзиньпина на XX съезде КПК. Естественно, что продолжение инициативы «Пояс и путь» рассматривается как логическое продолжение политики «мягкой экспансии» за рубежом, которую пытались остановить США.

Одновременно на новый уровень выходит экономическая борьба с США, и здесь одним из инструментов поражения США на мировой арене может стать выполнение стратегической задачи по «продвижению интернационализации китайского юаня». Практическими результатами реализации этой задачи в последнее время стали договоренности Китая об оплате в юанях поставок нефти из Саудовской Аравии. Помимо этого Бразилия и Китай достигли соглашения о торговле в юанях и объявили о создании совместной клиринговой палаты, что позволит проводить расчеты без использования доллара США. Договоренности об использовании юаня достигнуты также с целым рядом стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Примечательно, что даже некоторые компании Западной Европы соглашаются на оформление сделок в юанях. Более 70% расчетов в торговле Российская Федерация и КНР уже производят в национальных валютах. Кроме того, Россия выступает за расчеты в юанях не только с самим Китаем, но и с третьими странами. В целом «доля использования юаня в трансграничных платежах Китая выросла до рекордных 48% в конце апреля 2023 года и впервые превысила долю использования американского доллара» [11]. С одной стороны, этому способствовали усилия самого Китая по наращиванию торговых сделок в юанях, а с другой стороны, это явилось следствием подрыва доверия к доллару США после введения антироссийских санкций.

Одновременно Китай постепенно избавляется от американских казначейских облигаций, демонстрируя США и миру отсут-

ствие доверия к американской экономике и ее статусу лидера в мировой экономике. Это не может не повлиять на мнение других развивающихся стран, особенно тех, которых Китай всецело поддерживает в их стремлении к развитию, изменении финансово-экономической стратегии.

Вместе с тем Китай, имеющий амбициозные планы в построении инновационной экономики, остро нуждается в инвестициях. В Китае осознают, что привлечение капиталов иностранцев поможет дальнейшему росту экономики, и в настоящее время здесь проходит постепенный процесс расширения фондового рынка в привлечении средств нерезидентов. Гарантии для инвесторов также подтвердил Си Цзиньпин в своей речи, высказавшись за «защиту прав иностранных инвесторов», а также за «облегчение доступа на рынок» и «формирование первоклассной интернационализированной бизнес-среды» [9].

Выстраивая парадигму своего экономического развития в духе открытости и модернизации, Китай не может идти в фарватере «чужой» модели экономической глобализации, которая имеет принципиально отличные от китайского представления о мире цели и задачи и формировалась в иных геополитических условиях.

Отсюда возникает вопросы: какую модель экономической глобализации может предложить миру Китай и чем она отличается от существующей сейчас американской модели экономической глобализации?

Критерии, в соответствии с которыми можно охарактеризовать различия между китайской и американской моделями экономической глобализации, достаточно прозрачны и позволяют четко определить границы и характер влияния двух мировых лидеров на трансформацию мировой экономики.

1. *Отношение к суверенитету других стран.*

Китайская позиция по этому вопросу определяется с позиции уважения к суверенитету других стран, признания равноправия всех стран и «права народов выбирать собственный путь развития и социальный строй». Китай выступает против «гегемонизма и политики силы», «вмешательства в дела других стран и применения двойных стандартов» [9]. В ключевом для США документе «Стратегия национальной безопасности», обнародованном осенью 2022 года, они, по сути, выдвигают

концепцию сдерживания и подавления двух крупнейших экономик мира — России и Китая. При этом, не скрывая, указывает на необходимость более агрессивных действий в отношении Китая, «чтобы противостоять попыткам подорвать общие технологические достижения». Россию же предлагают сдерживать с опорой на НАТО. Такие формулировки являются негласным сигналом для других стран опасаться принятия не укладывающихся в формат глобального видения США экономических и политических решений, чтобы не стать следующей «угрозой» их национальной безопасности [7].

2. Отношение к либерализации и открытости национальных экономик.

Китайский лидер Си Цзиньпин однозначно подчеркивает необходимость идти путем экономической глобализации, способствовать либерализации и упрощению процедур в области торговли и инвестиций. Он выступает против протекционизма, попыток создания барьеров, «разъединения» и «разрыва цепочек», введения односторонних санкций и максимизации давления [9]. Си Цзиньпин неоднократно указывал на соблюдение этих условий, чтобы была возможность построить «мировую экономику открытого типа» [8]. Китайский лидер выступает за признание «ООН ядром системы международных отношений», а БРИКС и ШОС рассматривает как необходимые для постоянного открытого диалога международные площадки [9].

В свою очередь, практические шаги США однозначно свидетельствуют об обратном. Опыт санкционных войн США с другими странами демонстрирует их отказ следовать нормам международного права, которые признают санкции как механизм коллективного наказания. Кроме того, действия США, связанные с их членством в международных организациях, имеют деструктивный характер, ослабляя роль многосторонних форматов сотрудничества. Так, США с 2016 года блокируют работу апелляционного органа ВТО, что фактически привело к «заморозке» механизма разрешения торговых споров.

3. Модель архитектуры глобального управления.

Си Цзиньпин в качестве одной из стратегических целей видит стремление «претворять в жизнь концепцию глобального управления, основанную на принципах совместных консультаций, со-

вместного строительства и совместного пользования, твердо придерживаться подлинного мультилатерализма» [9].

США стремятся к созданию блоковых режимов, скорее нацеленных на противодействие третьим странам, нежели на взаимное развитие. Недавним примером подобного объединения может быть AUKUS, целью которого стало противодействие Китаю и отрыв ранее тесно сотрудничавшей с Китаем Австралии от него.

4. Отношение к роли развивающихся стран в мировой экономике.

В последние годы вклад развивающихся стран в мировой ВВП сильно вырос, равно как значительно улучшились показатели, связанные с развитием их человеческого и инновационного потенциалов. Подобные успехи демонстрируют невозможность игнорировать их потребности и мнение, особенно когда потенциал экономики услуг начинает себя исчерпывать и ощущается тенденция к возврату к ресурсным экономикам. Китай готов содействовать «расширению голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международных делах» [9]. Он также стремится к «сокращению разрыва между Югом и Севером» и готов «оказывать помощь развивающимся странам» [9]. Практическим инструментом реализации таких задач является инициатива «Пояс и путь».

США предлагают развивающимся странам модель «гегемон — сателлит», которая предполагает закрепление текущей ситуации, связанной с доминированием США во всех международных организациях и политическим давлением на результаты принятия решения по важнейшим вопросам на международном уровне. Совсем недавно США решили добиваться пересмотра в международных организациях статуса Китая как развивающейся страны, чтобы лишить его соответствующих преференций и помощи.

Заключение

Таким образом, позиция США, основанная на требованиях о следовании либеральным принципам «Вашингтонского консенсуса», ставшего крайне непопулярным в странах развивающегося мира, не может служить платформой для обновления существующего мирового порядка. По факту это одностороннее

движение, которое направлено на политику изоляционизма развитых стран в отрыве от развивающихся стран, сегментацию мировой экономики, блоковость развития.

Оформившийся «Пекинский консенсус» как политика обеспечения национального суверенитета и многополярности с опорой на сильное государство ментально намного ближе развивающимся странам, которые стремятся к обретению реальной независимости, противоположной духу неокOLONиализма. Кроме того, Китай, несмотря на имеющиеся у него трудности в экономике, смог продемонстрировать всему миру впечатляющие результаты, что признают как его ближайшие партнеры, так и оппоненты. Признание Китаем мультикультурности современного мира и множественности экономических моделей развития, отказ от принципов однополярности и универсальности ценностей будут в дальнейшем влиять на выбор другими странами модели сотрудничества и экономического развития в глобальном мире.

Литература

1. Американская стратегия крушения Китая: как за одно десятилетие сломить вторую экономику мира. — 28.10.2021. — URL: <https://topwar.ru/188386-amerikanskaja-strategija-krushenija-kitaja-kak-za-odno-desjatiletie-slomit-vtoruju-jekonomiku-mira.html> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Волгина Н.А., Лю Пэнфэй. Китай в глобальных цепочках стоимости: некоторые факты // Известия ДВФУ. Экономика и управление. — 2020. — № 4. — С. 20—27.
3. Галаган А.Б., Савинов Ю.А. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник. — 2016. — № 6. — С. 40—52.
4. Галин В.В. Последняя цивилизация. Политэкономика XXI века. — М.: Алгоритм, 2013. — 416 с.
5. Катасонов В. Китай борется за микроэлектронную независимость. — 10.06.2022. — URL: <https://russtrat.ru/reports/10-iyunya-2022-0010-10690> (дата обращения: 20.04.2023).
6. Комиссаров А.А. Развитие сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере содействия взаимной торговле: дис. ... канд. экон. наук. — Люберцы, 2022. — 221 с.
7. Конкурировать с Китаем, сдерживать Россию. — 13.10.2022. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5608578> (дата обращения: 25.04.2023).
8. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 182 с.
9. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (16 октября 2022 г.). — URL: <https://csruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).
10. Трамп поручил ввести пошлины на весь импорт из Китая. Решение ударит и по России. — 11.05.2019. — URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/375929-tramp-poruchil-vesti-poshliny-na-ves-import-iz-kitaya-reshenie-udarit-i-po> (дата обращения: 25.04.2023).

11. *Юшкявичюте А.* Юань занял рекордные 48% в международных расчетах Китая, превысив долю доллара. — 26.04.2023. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/26/20301817.shtml> (дата обращения: 28.04.2023).
12. China. Trade in Value Added and Global Value Chains / World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/CN_e.pdf (accessed: 25.04.2023).
13. Meszaros Tamas. A Reality Check on China-US Decoupling. The Diplomat. — 22.03.2023. — URL: <https://thediplomat.com/2023/03/a-reality-check-on-china-us-decoupling/> (accessed: 15.05.2023).
14. *Morrison Allen J.* The Strategic Challenges of Decoupling // Harward Business Review. — May—June 2021. — URL: <https://hbr.org/2021/05/the-strategic-challenges-of-decoupling> (accessed: 15.05.2023).